

Гражданско-правовые аспекты международного похищения детей: вопросы, поставленные пандемией COVID-19

Аннотация. Охватившая весь мир пандемия коронавируса COVID-19 и принятые для борьбы с нею ограничительные меры оказали беспрецедентное влияние на все аспекты жизни современного общества, включая трансграничные брачно-семейные отношения, в частности ситуации международного похищения детей.

При этом одним из наиболее сложных стал вопрос о возможности обоснования отказа в возврате ребенка, вывезенного на территорию другой страны одним родителем без согласия другого, наличием серьезного риска для его жизни и здоровья (в значении пп. «b» п. 1 ст. 13 Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей) — угрозы его заражения новой коронавирусной инфекцией COVID-19 в процессе возвращения в страну обычного проживания или сложной эпидемиологической обстановки в данной стране. В связи с этим в статье предпринимается попытка ответа на данный вопрос с учетом официальной позиции разработчиков Гаагской конвенции, ее толкования, а также решений, вынесенных судами различных государств. На основании проведенного анализа автор приходит к выводу о невозможности обоснования отказа возврата ребенка ссылкой на пандемию COVID-19.

Ключевые слова: права ребенка, защита прав детей, международное похищение, трансграничные брачно-семейные отношения, пандемия коронавируса COVID-19, серьезный риск.

**Олеся Федоровна
ЗАСЕМКОВА,**

кандидат юридических наук,

доцент кафедры
международного
частного права

Университета
имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)

ofzasemkova@msal.ru

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2022.89.1.057-066

OLESIA F. ZASEMKOVA,

*Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department
of Private International Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*
ofzasemkova@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Civil Aspects of International Child Abduction: Issues Raised by the COVID-19 Pandemic

Abstract. The COVID-19 pandemic that has spread the whole world and the restrictive measures taken to combat it have had an unprecedented impact on all aspects of modern society, including cross-border family relations, and, in particular, situations of international child abduction.

© О. Ф. Засемкова, 2022

One of the most difficult question is the possibility of justifying the refusal to return a child taken to the territory of another country by one parent without the consent of the other, referring to the existence of a grave risk to his life and health (In the context of subparagraph “b”, paragraph 1 of Article 13 of the Hague Convention on the Civil Aspects of International Child Abduction) — the treat of his infliction with a new coronavirus COVID-19 pandemic in the process of his return to the country of habitual residence or a complex epidemiological situation in this country.

In this regard, the author tries to answer this question, taking into account the official interpretation of the provisions of the Convention, as well as judicial acts issued by courts of various states. Based on the analysis, the author comes to the conclusion that it is impossible to justify the refusal to return the child by referring to the COVID-19 pandemic.

Keywords: *the rights of the children, protection of children’s rights, international abduction, cross-border family relations, COVID-19 pandemic, grave risk.*

За последние 100 лет человечество неоднократно сталкивалось с различными катастрофами, кризисами и эпидемиями. Однако ни одна из них не оказывала столь разрушительного влияния на все аспекты жизни общества, как пандемия COVID-19, охватившая весь мир. Так, по состоянию на 12.11.2021 число инфицированных новым коронавирусом превысило 215 млн человек, а число смертей преодолело отметку в 5 млн человек¹.

Стремясь остановить или хотя бы замедлить рост числа инфицированных, государства предпринимают различные меры, такие как: социальное дистанцирование; ограничения на передвижение и установление режима самоизоляции для лиц, достигнувших определенного возраста и страдающих от хронических и прочих заболеваний, повышающих риск тяжелого течения COVID-19; закрытие границ и временное прекращение или ограничение международного сообщения со странами со сложной эпидемиологической обстановкой, связанной с коронавирусом; организация вакцинации населения и др.

Указанные меры оказывают существенное влияние на все аспекты жизни современного общества, включая брачно-семейные отношения. Особого внимания в этой связи заслуживает вопрос о частноправовых аспектах международного похищения детей, который в условиях пандемии COVID-19 стал одним из наиболее острых.

Одним из фундаментальных прав ребенка, закрепленных как в международных актах, так и в национальном законодательстве подавляющего большинства государств, является право на общение с родителями и иными родственниками.

¹ См.: COVID-19 Dashboard by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE) at Johns Hopkins University (JHU) // URL: <https://coronavirus.jhu.edu/map.html> (дата обращения: 12.11.2021).

При этом, несмотря на предпринимаемые государствами меры (включая социальное дистанцирование, ограничения и вакцинацию), число заболевших росло быстрыми темпами.

Так, согласно ст. 10 Конвенции о правах ребенка 1989 г.² ребенок имеет право поддерживать регулярные личные отношения и прямые контакты с обоими родителями даже в том случае, если они проживают в разных государствах.

Аналогичное положение закреплено в ст. 55 Семейного кодекса РФ³ (далее — СК РФ), согласно которой «ребенок имеет право на общение с обоими родителями, дедушками, бабушками, братьями, сестрами и иными родственниками... даже в случае их раздельного проживания, в том числе на территории разных государств». В свою очередь, каждый из родителей имеет право на общение с ребенком и участие в его воспитании, а родитель, с которым ребенок проживает, не вправе препятствовать его общению с другим родителем (ст. 61, 66 СК РФ). Сходным образом данный вопрос решается в национальном законодательстве иных государств (Австрии, Великобритании, Германии, Франции, Италии и др.).

Несмотря на это, ежегодно только в Европе фиксируется более 1 400 случаев международного похищения детей одним из родителей. Не лучше ситуация обстоит в США, где ежегодно фиксируется более 350 случаев похищения детей одним из родителей⁴, а также в иных странах, включая Россию.

В целях решения данной проблемы еще в 1980 г. в рамках одной из старейших и наиболее авторитетных международных организаций по вопросам международного частного права — Гаагской конференции по международному частному праву (НССН) — была принята Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей⁵, участниками которой является 101 государство, включая Российскую Федерацию⁶.

Согласно данной Конвенции, под международным похищением (child abduction) понимаются ситуации, в которых:

- один из родителей совместно с несовершеннолетним ребенком (не достигшим 16 лет) переезжает в другую страну без согласия второго родителя; или
- отказывается вернуть ребенка в установленный срок после его вывоза в другую страну (например, на каникулы) без законных оснований для этого.

В обоих случаях родитель, условно именуемый «похитителем», не имеет намерения вернуть ребенка в страну, в которой он обычно проживал с другим родителем.

Статьи 8—12 Конвенции закрепляют общее правило, в соответствии с которым лицо, учреждение или иной орган, утверждающие, что ребенок был похищен

² Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 10.11.2021).

³ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Почему так трудно вернуть похищенных детей? // URL: <https://ria.ru/20090824/182209492.html> (дата обращения: 10.11.2021).

⁵ Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, Гаага, 25.10.1980 // URL: <https://www.hcch.net/russian> (дата обращения: 10.11.2021).

⁶ Convention of 25 October 1980 on the Civil Aspects of International Child Abduction // URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/status-table/?cid=24> (дата обращения: 10.11.2021).

или захвачен в нарушение прав попечительства, могут обратиться с заявлением в соответствующий компетентный орган, который должен отдать распоряжение о немедленном возврате ребенка.

Единственным исключением из данного правила являются положения ст. 13 Конвенции, согласно которым «уполномоченные органы запрашиваемого государства не обязаны отдавать распоряжение о возврате ребенка, если будет доказано, что:

- a) лицо, учреждение или иной орган, которые осуществляли заботу о ребенке, фактически не имели права попечительства на момент его перемещения или захвата, или дали согласие на это; либо
- b) существует серьезный риск (*grave risk*) того, что такой возврат причинит ребенку физический или психологический вред».

При этом наибольшие вопросы вызывает толкование пп. «b» п. 1 данной статьи, в частности: что следует понимать под риском (*risk*) физического и психологического вреда и на основе каких критериев следует квалифицировать такой риск в качестве серьезного (*grave*)?

Чтобы ответить на поставленные вопросы, обратимся к официальному Комментарию к пп. «b» п. 1 ст. 13 Конвенции (далее — Комментарий). Согласно данному документу, исключение из общего правила о необходимости возврата ребенка, упоминаемое в данном пункте, основано на «праве любого человека не подвергаться физической или психологической опасности, а также не быть поставленным в невыносимое положение»⁷. При этом исходя из анализа текста данной статьи можно выделить три категории риска:

- 1) риск того, что возвращение может причинить ребенку физический вред;
- 2) риск того, что возвращение нанесет вред психике ребенка;
- 3) риск того, что возвращение поставит ребенка в невыносимые условия.

При этом для обоснования правомерности отказа в возврате ребенка достаточно возможности возникновения любого из перечисленных рисков.

Следует также отметить, что в рассматриваемой норме речь идет о серьезном риске (*grave risk*) причинения ребенку вреда, что предполагает, что такой риск должен быть реальным и существенным в конкретной ситуации с учетом интересов ребенка (например, риск смерти или получения серьезной травмы). При этом такой риск должен оцениваться с учетом будущих условий, т.е. акцент следует делать на обстоятельствах, в которых окажется ребенок по возвращении. Таким образом, при решении вопроса о возврате ребенка суды не должны ограничиваться анализом обстоятельств, существовавших до момента неправомерного удержания ребенка или на этот момент, но и устанавливать возможные последствия, к которым приведет его возврат.

Не менее важно и то, что, несмотря на буквальное толкование статьи, позволяющее сделать вывод, что речь идет исключительно об интересах ребенка, на практике не требуется, чтобы ребенок был непосредственной жертвой причинения вреда. Иными словами, в некоторых случаях достаточно доказательств того, что

⁷ 1980 Child Abduction Convention: Guide to Good Practice. Part VI. Article 13 (1) (b) // URL: <https://assets.hcch.net/docs/225b44d3-5c6b-4a14-8f5b-57cb370c497f.pdf> (дата обращения: 10.11.2021).

из-за риска причинения вреда одному из родителей ребенку также может быть нанесен определенный вред.

В целях упрощения задачи судов и иных компетентных органов, рассматривающих дела о возврате детей и сталкивающихся с проблемой толкования «серьезного риска» в значении пп. «b» п. 1 ст. 13 Конвенции, ее разработчиками был предложен двухступенчатый тест, который предполагает получение ответов на следующие вопросы:

1. Имеются ли у стороны, ссылающейся на данное условие, конкретные доказательства наличия серьезного риска для ребенка. При этом общих утверждений, не подкрепленных доказательствами, недостаточно для констатации данного факта, что подтверждается многочисленными примерами из судебной практики разных стран.

Так, в деле, рассмотренном судом Аргентины, суд указал, что простого упоминания жестокого обращения или насилия по отношению к ребенку, не подтвержденного какими-либо доказательствами, недостаточно для признания наличия серьезного риска для него⁸.

К аналогичному выводу пришел суд по семейным делам г. Мельбурна (Австралия)⁹ в деле *Gsponer v. Johnson*: «Общих и неспецифических доказательств эпизодов насилия, нападения или жестокого обращения с ребенком или одним из родителей (родителем-похитителем) со стороны второго родителя недостаточно для признания того, что возвращение ребенка нанесет ему серьезный физический, психологический вред или поставит его в невыносимые условия».

2. Достаточно ли представленных лицом доказательств наличия серьезного риска для его констатации, в том числе с учетом информации о мерах защиты интересов ребенка, доступных в государстве его обычного проживания. Таким образом, даже в том случае, если суд установит наличие достаточных доказательств риска причинения ребенку серьезного вреда, он тем не менее должен изучить все обстоятельства дела, включая вопрос о возможности принятия адекватных соответствующей угрозе мер защиты и их эффективности.

После ответа на указанные вопросы суд поступает следующим образом:

- если он считает, что представленных сведений и доказательств недостаточно для установления серьезного риска для ребенка, то суд выносит решение о немедленном возвращении ребенка в страну его обычного проживания;
- если суд сочтет, что представленных доказательств достаточно для констатации серьезного риска, но мер защиты, доступных в государстве обычного проживания ребенка, достаточно для устранения или минимизации такого риска, то суд также принимает решение о возврате ребенка;
- если же будет установлено наличие серьезного риска, то суд вправе (но не обязан) отказать в удовлетворении ходатайства о возврате ребенка.

При этом Конвенция содержит очень мало процессуальных норм и правил доказывания, оставляя решение указанных вопросов на усмотрение национального

⁸ См.: *E.S. s/ Reintegro de hijo*, 11 June 2013, Corte Suprema de Justicia de la Nación (Argentina) [INCADAT Reference: HC/E/AR 1305].

⁹ *Gsponer v. Johnson*, 23 December 1988, Full Court of the Family Court of Australia at Melbourne (Australia) [INCADAT Reference: HC/E/AU 255].

законодательства страны, суд которой рассматривает соответствующее дело. Это касается, например, стандартов доказывания и др. В то же время вопрос о бремени доказывания прямо урегулирован в тексте Конвенции: бремя доказывания наличия серьезного риска лежит на лице, возражающем против возврата ребенка, т.е. на родителе-похитителе.

Опираясь на вышеуказанные критерии, на практике суды констатируют наличие серьезного риска в ситуациях, когда, например, возврат ребенка приведет:

- 1) к физическому, сексуальному, психологическому насилию или иным формам жестокого обращения с ребенком или вторым родителем, у которого он находится на момент рассмотрения дела. Например, в деле *Miltiadous v. Tetervak* Окружной суд Восточного округа Пенсильвании (США) установил, что жестокое обращение с ребенком, выражавшееся в оставлении его без присмотра со стороны родителя, угрозы убийством, чрезмерное употребление алкоголя, а также неспособность властей Кипра защитить ребенка, вызвали у него хроническое посттравматическое расстройство, которое было признано серьезным риском в значении пп. «b» п. 1 ст. 13 Конвенции¹⁰. В связи с этим в возврате ребенка было отказано;
- 2) к разлучению ребенка с родителем (когда последний не может вернуться в страну обычного проживания ребенка в связи с угрозой его жизни, здоровью, экономическими проблемами или ввиду его иммиграционного статуса либо по иным объективным причинам);
- 3) разлучению ребенка с братьями и сестрами;
- 4) возникновению угрозы его здоровью, безопасности, возможности получения им образования и др.

Особого внимания при этом заслуживает последнее основание, а именно наличие угрозы жизни и здоровью ребенка, которое стало предметом пристального внимания судов в контексте пандемии COVID-19. Речь идет о попытках родителей, «похитивших» собственных детей, обосновать отказ от их возврата ссылкой на плохую эпидемиологическую обстановку в стране обычного проживания ребенка. Но правомерна ли такая ссылка и как суд должен оценивать интересы ребенка в такой ситуации? Иными словами, может ли риск заражения новой коронавирусной инфекцией в момент перемещения ребенка в страну его обычного проживания или при нахождении на территории данной страны оправдать отказ в возврате ребенка по ст. 13 Конвенции?

Чтобы ответить на данный вопрос, обратимся к судебной практике. Одним из первых решений, вынесенных по данному вопросу, стало решение Высокого суда Англии и Уэльса по делу *KR v. NH*¹¹, где перед судом был поставлен вопрос о правомерности ссылки матери, увезшей ребенка в другую страну и отказывавшейся вернуть его в страну его обычного проживания, на пп. «b» п. 1 ст. 13 Конвенции. Обстоятельства дела были следующими. Мать, отец и их несовершеннолетний ребенок являлись гражданами Испании. После развода родителей по решению

¹⁰ *Miltiadous v. Tetervak*, 686 F. Supp. 2d 544 (E.D. Pa. 2010), 19 February 2010, United States District Court, Eastern Division Pennsylvania (the US) [INCADAT Reference: HC/E/US 1144].

¹¹ *KR v. NH* [2020] EWHC 834 (Fam) // URL: <https://www.incadat.com/en/case/1460> (дата обращения: 10.11.2021).

суда опекуном ребенка стала мать, с которой он и проживал на территории Испании вплоть до февраля 2020 г., когда мать, не поставив отца в известность и не получив его согласия, вывезла ребенка на территорию Англии и, несмотря на все просьбы, отказалась привезти его обратно.

В связи с этим отец обратился в английский суд с требованием о возврате ему ребенка. Мать была категорически не согласна с данным требованием, в обоснование указывая на высокий риск заражения ребенка новой коронавирусной инфекцией COVID-19 в процессе авиаперелета обратно в Испанию, что, по ее мнению, укладывалось в понятие «серьезного риска» в контексте ст. 13 Конвенции.

Однако суд не согласился с ее доводами и, установив, что обычным местом жительства ребенка является Испания, признал отказ вернуть его неправомерным удержанием по смыслу Гаагской конвенции и приказал немедленно (в течение двух дней) вернуть ребенка в Испанию, до того как страна приостановит международное авиасообщение. В обоснование своего решения суд указал следующее:

«1. Распространение коронавируса COVID-19 как на национальном, так и на международном уровне происходит с такой скоростью, что любые доказательства, которые могут быть собраны, тут же устаревают. В связи с этим суд считает необходимым обратиться к рекомендации, данной правительством Великобритании, согласно которой к группе риска возникновения серьезных осложнений коронавируса относятся пожилые люди и люди, имеющие сопутствующие заболевания. В данном случае ни ребенок, ни его родители не подпадают под эту категорию лиц.

2. Суд также не может оценить, какая из двух стран (Англия или Испания) безопаснее для ребенка, поскольку из представленных материалов следует, что такой риск существует независимо от того, где находится ребенок.

3. Кроме того, суд не может признать риск заражения COVID-19 во время авиаперелета риском «физического или психологического вреда» в значении ст. 13 Конвенции. Международные поездки действительно потенциально связаны с более высокой вероятностью заражения, чем пребывание в условиях самоизоляции. Однако, исходя из того, что правительства данных стран (Англии и Испании) по-прежнему разрешают ограниченное число международных авиарейсов, можно сделать вывод о том, что данный риск не настолько высок, чтобы правительство сочло необходимым полностью прекратить полеты».

К аналогичному выводу пришел и немецкий суд, рассматривавший дело о возврате ребенка, которого мать вывезла из Армении в Германию на три недели, но по истечении оговоренного срока отказалась вернуть обратно¹². В данном деле ситуация осложнялась тем, что на момент отъезда в Германию мать была беременна и, согласно медицинской справке, имела рекомендацию воздержаться от полетов продолжительностью более трех часов. В феврале она родила ребенка, что, по ее мнению, являлось основанием для удержания старшего ребенка в Германии, причем последний также не возражал против того, чтобы задержаться в данной стране. Кроме того, она ссылалась на отсутствие прямых рейсов между Германией и Арменией, а также на тот факт, что осуществление авиаперелета

¹² AG Hamm — 32 F 14/20 — 23 April 2020 // URL: <https://www.incadat.com/en/case/1472> (дата обращения: 14.12.2020).

с одной или несколькими пересадками может быть опасным для ребенка, что, согласно Конвенции, является основанием для отказа в его немедленном возврате в страну обычного места жительства.

Однако суд не согласился с ее доводами и признал нахождение ребенка в Германии с матерью неправомерным удержанием в значении Гаагской конвенции. Суд также отклонил довод о том, что невозможность возвращения ребенка из-за отсутствия приемлемых (по мнению матери) вариантов авиаперелета охватывается понятием риска ущерба физическому и психологическому благополучию ребенка. Суд сделал вывод о том, что обременительный характер авиаперелета из Германии в Армению должен учитываться по отношению к ребенку, а не к его матери. В связи с этим суд постановил вернуть ребенка в страну его обычного места жительства, т.е. в Армению.

Аналогичное решение было принято Окружным судом Гааги¹³.

Таким образом, исходя из судебной практики, можно сделать вывод о том, что пандемия COVID-19 и риск заражения ребенка в процессе его перемещения в страну его обычного проживания не могли рассматриваться как серьезный риск в значении ст. 13 Конвенции, и соответственно, не могли использоваться в качестве оправдания отказа от возврата ребенка другому родителю. Данный вывод вполне согласуется с позицией, изложенной в Комментарий к Конвенции, согласно которому при решении вопроса о наличии серьезного риска для здоровья ребенка во внимание следует принимать сам факт доступности медицинской помощи в государстве обычного проживания ребенка.

В то же время качество оказываемой в соответствующем государстве медицинской помощи, как правило, не принимается во внимание. Так, в деле, рассмотренном в 2017 г. Кассационным судом Франции, было указано, что система здравоохранения в Израиле находится в удовлетворительном состоянии, а лечение от ВИЧ-инфекции, получаемое ребенком в данной стране, ничем не отличается от того, которое ему было назначено во Франции. В результате суд констатировал отсутствие основания для отказа в возврате ребенка в Израиль¹⁴.

На практике такой подход ведет к тому, что суды признают наличие серьезного риска только в том случае, когда лечение требуется немедленно и при этом оно недоступно в государстве обычного проживания ребенка, либо в ситуации, когда состояние здоровья ребенка не позволяет ему совершить международную поездку, необходимую для возврата в страну его обычного проживания.

Например, в деле *State Central Authority v. Maynard* суд по семейным делам Австралии указал, что медицинское обследование ребенка показало наличие у него серьезного заболевания (эпилепсии), которое в случае международной поездки может повлечь причинение ребенку серьезного вреда или даже привести к его смерти¹⁵. В то же время суд отклонил аргумент, касавшийся качества английской системы здравоохранения.

¹³ ECLI : NL : RBDHA : 2020 : 2861, 26 March 2020, District Court of the Hague (the Netherlands) // URL: <https://www.incadat.com/en/case/1464> (дата обращения: 14.12.2020).

¹⁴ No de pourvoi 17-11031, 4 May 2017, Cour de cassation (France) [INCADAT Reference: HC/E/FR 1346].

¹⁵ *State Central Authority v. Maynard*, 9 March 2003, Family Court of Australia (Australia) [INCADAT Reference: HC/E/AU 541].

Таким образом, сам факт угрозы заражения ребенка коронавирусом также не является достаточным основанием для оставления ребенка с родителем-похитителем.

Следует, однако, учитывать, что по мере дальнейшего распространения COVID-19 и роста числа инфицированных и умерших от данной инфекции суды несколько изменили свою позицию по данному вопросу, что хорошо видно на примере дела *Onuoha v. Onuoha*¹⁶.

Обстоятельства дела были следующими: семья проживала в Нигерии. Однако в октябре 2019 г. мать привезла детей в Онтарио (Канада) без согласия отца, который обратился в суд с заявлением о возврате детей. Вскоре после начала разбирательства в целях борьбы с пандемией COVID-19 в Онтарио было принято решение о приостановлении всех судебных разбирательств, за исключением тех, которые требуют незамедлительного рассмотрения. В связи с этим следующее слушание по делу было отложено до начала июня.

Не согласившись с таким решением, отец стал настаивать на немедленном рассмотрении дела. Однако суд счел его доводы необоснованными, указав следующее:

«На первый взгляд, дело подпадает под категорию срочных, поскольку оно связано с незаконным перемещением и удержанием ребенка (по крайней мере, с точки зрения отца). Однако в текущих условиях это дело не может быть признано таковым.

В условиях пандемии COVID-19 и принятых повсеместно ограничений на поездки, в том числе установленных правительством Канады, не время рассматривать ходатайство о возврате детей в другую страну, поскольку даже если бы поданное отцом ходатайство было удовлетворено, оно не могло бы быть исполнено в течение нескольких недель, если не месяцев. Более того, было бы безрассудством заставлять детей совершать международный авиаперелет, ставя их безопасность и благополучие под угрозу. На основании всего вышеизложенного, суд не находит оснований для срочного рассмотрения дела и призывает мать приложить все разумные усилия для того, чтобы обеспечить регулярное общение детей с их отцом посредством Skype, FaceTime, телефона или иных средств связи».

Таким образом, сам факт угрозы заражения ребенка коронавирусом также не является достаточным основанием для оставления ребенка с родителем-похитителем.

Вместе с тем в условиях, когда немедленное возвращение ребенка в страну его обычного проживания может оказаться невозможным или затруднительным (например, ввиду наличия у ребенка хронических или иных заболеваний, повышающих риск тяжелого течения COVID-19), судам следует сопоставить, с одной стороны, риски, связанные с инфицированием новой коронавирусной инфекцией COVID-19 в процессе международных поездок, с другой — ущерб, который может быть причинен ребенку из-за его незаконного удержания в течение длительного периода времени.

¹⁶ *Onuoha v. Onuoha*, 2020 ONSC 1815 // URL: <https://www.inccadat.com/en/case/1458> (дата обращения: 10.11.2021).

При этом жизнь, здоровье и благополучие детей не должны ставиться под угрозу даже в случае констатации факта их незаконного удержания одним из родителей на территории государства, отличного от места их обычного проживания. Как отмечают суды, в таком случае рассмотрение данного вопроса должно быть отложено до стабилизации ситуации или устранения либо минимизации соответствующего риска, а право на общение ребенка со вторым родителем должно быть обеспечено всеми доступными способами: посредством телефонных разговоров, видеосвязи (через Skype, Zoom, FaceTime и др.).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Почему так трудно вернуть похищенных детей? // URL: <https://ria.ru/20090824/182209492.html> (дата обращения: 10.11.2021).
2. COVID-19 Dashboard by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE) at Johns Hopkins University (JHU) // URL: <https://coronavirus.jhu.edu/map.html> (дата обращения: 12.11.2021).